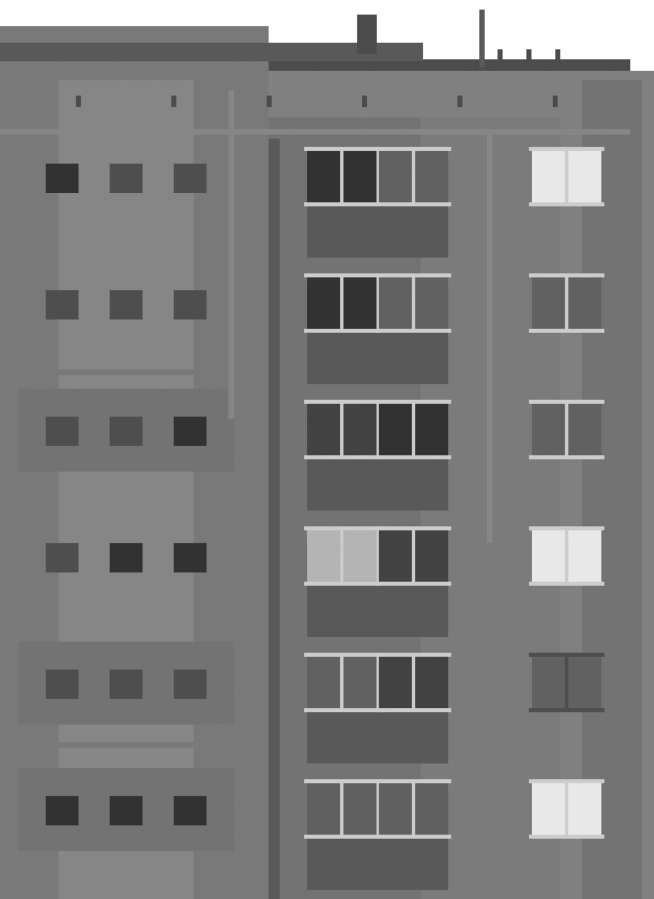

Катя Тева

ЗАПАХ ВРЕМЕНИ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Т29

Тева К.

Т29 Запах времени / К Тева. — М. : Импринт VOLKODAV /
RUGRAM, 2025. — 354 с.

ISBN 978-5-517-13175-1

Жизнь Лёши Часового превратилась в кошмар: отец привёл новую жену, дом наводнили младшие брат и сестра, и единственным спасением стала крыша — тайное убежище, где он и его друзья могли быть собой.

Илья задыхался под гнётом матери-деспота. Сашка тонул в одиночестве. А Глеб скрывался от опеки, зная: один неверный шаг — и он окажется в детском доме вместе с младшими братьями.

Они верили, что их дружба нерушима... пока в их жизни не появилась Ася.

Любовь или дружба?

Верность или предательство?

И какую роль во всём этом сыграет старушка за дверью, чей пристальный взгляд сквозь глазок видит больше, чем кажется?

Их выбор изменит всё.

Но какую цену каждый заплатит за него?

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

© Катя Тева, 2025

© Мария Ботова, оформление, 2025

© Дарья Иванова Walted, оформление, 2025

© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13175-1

ПРОЛОГ

Алексей Часовой. 2022 год

Я выехал на скоростную автомагистраль и вдавил педаль газа в пол. По радио играла знакомая песня, и я выкрутил громкость на максимум. В ушах звенело — шумные басы смешались с шумом в голове, и я принялся подпевать. Сначала бубнил слова себе под нос, но потом начал петь во весь голос, пока мое пение не приглушило звучание исполнителя. Через минуту я надрал себе горло от пронзительного крика, но остановиться не хватало сил. Если не выплесну прямо сейчас свою боль — меня разорвет.

— Черт, черт, черт! — Я принялся стучать кулаками по рулю, не слыша, как давлю на сигнал. Бросил взгляд на спидометр и испугался — скорость сто восемьдесят километров в час.

По спине побежала струйка пота. Я выкрутил звук на минимум, сбавил скорость и прижался к обочине. Слезы хлынули из глаз, я остановился и положил голову на руль. Тело мое вздымалось и опускалось, пока я не нашел в себе силы успокоиться.

Справа с секундным свистом пролетали машины. Слева раскинулась редкая и длинная полоса пролеска. Захотелось курить, да так сильно, как никогда не хотелось, даже в юности.

Я вышел из машины, запер ее и побрел в зеленеющие заросли. Дрожащей рукой вытащил сигарету, прикурил и сел под тонкое кривое дерево. Слезы капали на дорогой синий пиджак, нос отказывался дышать, и с громким выдохом я выпустил в воздух облако дыма.

Ее слова так и стояли в ушах. Четыре коротких слова из уст ненавистной женщины. «Леша, отец умер, приезжай». Я ничего не ответил, отключив вызов. Оцепенение и шок сковали тело. Сколько ему сейчас лет? Я принялся соображать, но мозг отказался работать. Мне тридцать шесть, значит отцу шестьдесят три. Рано, чтобы отправляться на тот свет. Я даже не спросил, что случилось! Хороший сын, ничего не скажешь! А разве он был хорошим отцом? Злость, которую я так тщательно старался разбудить, вдруг исчезла. Какая разница, каким он был? Теперь-то мне что от этого?

Я поперхнулся дымом и зашелся в удушающем кашле. Хватаясь за горло свободной рукой, меня повалило на землю. Сигарету так и не выпустил, хотя в кармане лежит целая пачка.

Наконец-то глубоко вздохнув, я расслабился и уткнулся лицом в молодую майскую траву. Пахло влагой и сыростью — земля сохранила соки ночного дождя. Кто я теперь? Круглая сирота. Вот кто я. Теоретически я им

и был последние двадцать лет, но только теперь понял — больше у меня нет возможности что-то исправить.

Я построил ту жизнь, которую всегда хотел иметь. Создал крепкую семью, получил образование, открыл свое дело. Мне было чем гордиться. В прошлом году я получил премию как один из лучших адвокатов города! Пошла она в жопу, эта проклятая премия! Сейчас я снова чувствовал себя никем. Все регалии и успехи стали абсолютно безразличными. Произошло то, чего я так сильно боялся все эти годы — возродился из темной памяти шестнадцатилетний парень — Леша Часовой — предатель и обманщик, который так и не смог простить самого себя.

В голову полезло все, от чего я прятался: упреки отца, его обидные слова, моя ненависть, люди, которых я так любил и потерял, те, кого я предал из-за собственной слабости.

— Нет, я не хочу! Это все неправда! — я закричал во весь голос, слушая, как эхо катится за мной следом.

Почему он не нашел меня сам, почему не поговорил? С каким сердцем жил мой отец, не зная ничего о собственном сыне?

Я попытался вспомнить что-нибудь хорошее из своего детства. А было ли это хорошее со мной? Да, пока мама жила. Он научил меня стрелять из воздушки. Он водил меня в цирк, покупал мороженое, говорил ласковым голосом.

Я перевернулся на бок и посмотрел на чистое небо. Где ты? Ты меня сейчас видишь? Вот он я, твой непо-

слушный сын, твой позор, предатель, сделавший выбор в пользу других. Мои слезы уходили в недопоенную жадную землю. Я размазал грязь по лицу и сел. Сигарета давно потухла, пришлось доставать новую.

Первую затяжку посвящаю Глебу — моему страшному другу, которому я до сих пор завидую, вторую — Илюхе, верному товарищу и доброму смельчаку, третью — Саньку, чей живой голос и простое отношение к жизни до сих пор помогает легче жить, четвертую — худенькой кудрявой девчонке, чей смех будоражил мою кровь, пятую — женщине, которая дала мне силы пережить трудности и стать тем, кто я есть сейчас, шестую и последнюю — своему ушедшему отцу, которому я так многого не сказал.

— Прости меня, папа.

ГЛАВА I

Илья Пирогов. 2002 год

Я уселся на лавочку перед подъездом, запихнув в рот остатки булочки. Жевалась она так тяжело, что у меня свело челюсть. Никогда больше не куплю ничего в этом магазине — с маминой выпечкой не сравнить. Она готовит будь здоров — не захочешь, а наешься от пуза. Отодвинул рукав спортивной олимпийки и посмотрел на отцовские часы — почти восемь вечера. Через час окончательно стемнеет, как у негра в одном месте, а на улице ни души. Куда все подевались?

Я задрал голову и нашел окна пятого этажа. На кухне горел свет. В Сашкиной комнате — темнота. Значит, скоро спустится, уже хорошо.

Дверь подъезда противно закрипела. Вышел дядя Петя Часовой с огромным мешком мусора.

— Привет, Илья. — Он пожал мне руку, проходя мимо.

— Здравсьте, а Леха дома? — крикнул я вдогонку.

— Шляется где-то, — бросил он через плечо. — За ним кто-то заходил. Я думал, ты. Значит, не ты.

— Точно не я.

Но дядя Петя уже скрылся за углом, направляясь к мусорным бакам.

Сашка спустился минут через десять. Мы ударили по рукам.

— В сортире, что ли, сидел? — пошутил я.

— Нет, картошку чистил. Маман запрягла помогать. А где все?

Он уселся на лавочку, растопылив ноги.

— Лехи нет дома, отец его сказал. За Глебом не заходил. Куда пойдем? — Мне хотелось услышать предложение от друга, так как своих не имелось.

— Можем и здесь посидеть, только семечек бы купить.

— Обижаешь! — Я полез в карман и вытащил целый кулак черной мелкоты. — У батяка позаимствовал. Он целую сковородку нажарил. Куда ему столько одному?

От соседнего подъезда вереницей потянулись бабки. Уселись напротив нас, поправили подвязанные платочки и принялись нас разглядывать, как памятники в музее.

— Не лузгайте на землю! — сделала замечание толстуха с третьего этажа.

— А вы за своим подъездом следите! — огрызнулся Сашка. Имел право. Как ни крути, это и его дом.

— Ты чего хамишь старшим? — подключилась вторая.

Сомнений не было — они только этого и ждали. Специально пересели поближе.

— Как вы мне, так и я вам, — ответил Сашка, складывая шкурки в кулак.

— Вот матери расскажу, получишь! — Толстая сложила руки на необъятной груди.

— Пошли отсюда. — Я дернул его за рукав.

Саша поднялся на ноги, выплюнул мокрую кожуру прямо им под ноги и пошел прочь от подъезда.

— Вот твареныш, ты посмотри! — послышалось вслед.

— На заброшку? — предложил я. — Туда они точно не придут.

— Эти куда угодно придут! — Он обернулся. — Ладно, пошли. Жалко, что пацанов так и не дождались.

Мы миновали стройные ряды свеженьких девятиэтажек, между которыми, как беспризорники, все еще ютились старые сгорбившиеся дома. В одном из них до сих пор жил Глеб. Потом завернули за угол, вышли на парковую аллею, дошли до круглосуточного магазина, освещенного огромным уличным фонарем, прошмыгнули между мойкой и гаражами и оказались на узкой заросшей тропинке, которая вела к четырехэтажному так и не рожденному зданию. Зброшка утопала в старых корявых вишнях, окружающих ее забором. Лет двадцать назад здесь планировали построить инфекционную больницу на сотню лежачих мест, но глава ад-

министрации сменился, растратив выделенный бюджет не по назначению.

Кирпичные некогда белые стены заиграли цветными граффити, отголоском моды и беспредела местной молодежи. В разное время там обитали всякие компании. Поговаривали, что в девяностые туда боялись сунуть нос даже самые смелые. Но сейчас времена изменились, и мы туда заходили без лишнего страха.

— Лучше бы на крышу поднялись, не видно ни черта! — Сашка споткнулся об ветку и чуть не упал.

— Ладно тебе ныть, дошли почти. — Я внимательно посмотрел под ноги, стараясь запомнить, куда лучше не наступать. — Светло на улице. Да и от садика фонарей хватает.

— До садика, как до Китая пешком. Полезли на второй этаж.

Мы забрались по бетонной лестнице, вылезли в оконный проем и уселись, свесив ноги на улицу.

— Слушай, а ты в духов веришь? — спросил Сашка.

— Неа, бред это все. — Я осмотрелся по сторонам и подвинулся к нему поближе. — Байки для трусов.

— А мне бабушка рассказывала, что в молодости она видела одного. — Сашка причмокнул языком, и я вздрогнул от неожиданности. — Типа у них на работе одна женщина умерла — вены себе перерезала от горя. А потом ее дух явился и всех перепугал. Бабушка не одна ее видела, их несколько человек было. Как тут не верить?

— Ты дебил совсем? — Я врезал ему кулаком в плечо.